

УДК 316.1

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ «ХРОНОТОП» В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО

Т. М. ШАВЕРДО¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Анализируются объяснительные возможности концепта «хронотоп» применительно к изучению социальных явлений и процессов. Показывается генезис понятия от исследований А. А. Ухтомского, посвященных пространственно-временным аспектам функционирования человеческого организма и окружающей среды, к литературной критике М. М. Бахтина, в рамках которой раскрывается пространственно-временная организация художественных произведений. Осуществляется проекция взаимоотношений пространства и времени в литературе на сферу социального. Выявляется латентная хронотопичность культурно-исторической концепции Шпенглера, где качественные особенности пространства и времени порождают принципиально различные картины мира и содержание человеческого бытия. На основании теоретических положений А. Я. Гуревича и антропологических исследований Л. Леви-Брюля раскрывается проблема пространственно-временного детерминизма структуры нашего мышления. Эксплицируется взаимосвязь между приметами пространства-времени, образом мира и самого человека. Обосновывается эффективность использования категории «хронотоп» как инструмента анализа социума на уровне структуры и действия. Обозначаются наиболее перспективные направления использования объяснительных возможностей хронотопа в социологии.

Ключевые слова: социальный хронотоп; социальное пространство; социальное время; пространство-время; пространственно-временные координаты социума.

THE EXPLANATORY POTENTIAL OF THE «CHRONOTOPE» CATEGORY IN SOCIAL RESEARCH

T. M. SHAVERDO^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The explanatory possibilities of the «chronotope» concept applied to the social phenomena and processes study are analysed. The concept's genesis from A. A. Ukhtomsky's research, dedicated to the space-time aspects of the human body functioning and the environment, to M. M. Bakhtin's literary criticism, which reveals the space-time organisation of literary works is shown. The specificity of spatio-temporal relations in literature is projected onto the sphere of social. The latent chronotopicity of Spengler's cultural-historical concept is revealed. According to this concept, the qualitative features of space and time produce fundamentally different pictures of the world and the human existence content. Based on A. Ya. Gurevich's theoretical propositions and L. Levi-Bruhl's anthropological studies, the space-time determinism problem of our thinking structure is revealed. The connection between the signs of space-time, the image of the world and a human is explicated. The effectiveness of using the category «chronotope» as an analysing tool of society at the level of structure and action is substantiated; the most promising areas for using the explanatory possibilities of the chronotope in sociology are identified.

Keywords: social chronotope; social space; social time; space-time; space-time coordinates of society.

Образец цитирования:

Шавердо ТМ. Объяснительный потенциал категории «хронотоп» в исследовании социального. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;3:104–112.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-104-112>

For citation:

Shaverdo TM. The explanatory potential of the «chronotope» category in social research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;3:104–112. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-104-112>

Автор:

Тамара Михайловна Шавердо – младший научный сотрудник.

Author:

Tamara M. Shaverdo, junior researcher.
tamara.shaverdo17@ya.ru

Пространство и время проявляют себя на самых разных уровнях общественной жизни, обеспечивая совпадение социальных акторов в физическом и символическом смыслах. В интересах исследования категории пространства и времени могут быть отделены друг от друга для формулирования более точных определений, выявления специфических характеристик и причиняющих сил пространства и времени по отношению к социальной жизни. Однако только единство пространственно-временных координат задает полноценную рамку нашего бытия и контекст человеческого взаимодействия.

Интуиция в отношении единства пространства и времени сопровождает человека на протяжении всей истории. Очевидность пространственных форм и трансцендентность времени соприкасаются как жизнь и смерть. Человека с рождения окружает жизненный ресурс пространства, воплощенный во всем разнообразии наличной данности универсума. Время же не имеет материального воплощения и обнаруживает себя главным образом через предчувствие *inferno*.

Как отмечают историки и антропологи, вместе с попыткой осмысления времени человек предпринимает и попытку его устранить как нечто препятствующее разворачиванию жизни. В архаической культуре преодоление времени осуществлялось посредством мифов о многократном рождении и всевозможных обрядах инициации, отрицающих конечность жизни. Однако попытка преодолеть время оказывается лишь уловкой, в которую попадает сам человек, так как приметы «обманутого» времени всегда обнаруживают себя через пространство. Несмотря на то что старение мы привыкли связывать с временным модусом, только пространство способно предъявить телу его беспомощность – расстояние, которое больше не преодолеть, «дичь», с которой уже не совладать. Осязаемость пространственных форм создает иллюзию нашей власти над действительностью, тогда как трансцендентность времени страшит неизвестностью. Вступая в отношения с понятным и доступным пространством, мы всегда соприкасаемся и со временем, которое реализует свои планы через материальный мир. Таким образом, пространство и время нашей жизни оказываются тесно переплетены и соизмеримы друг с другом.

Единство пространства и времени включает в себе категория «хронотоп» (от греч. *chronos* – время, *topos* – место). Понятие «единство» не всегда означает равноправие и согласованность пространства и времени в системе социальных координат. На протяжении человеческой истории *chronos* и *topos* с попеременным успехом осуществляют символическую экспансию в отношении друг друга. Специфика взаимосвязи пространства и времени,

воплощенная в уникальном хронотопе, во многом определяет образ каждого конкретного социума.

В данной статье предпринимается попытка выявить объяснительный потенциал категории «хронотоп» в изучении социального посредством установления взаимосвязи между приметам пространства-времени, образом мира и самого человека.

В научный оборот категорию «хронотоп» ввел русский и советский физиолог А. А. Ухтомский в контексте исследования особенностей пространственных и временных аспектов функционирования человеческого организма и окружающей среды. На взгляд А. А. Ухтомского, хронотоп представляет собой спайку пространственно-временных координат реальности, обеспечивающих взаимосвязь единичного и всеобщего, согласованность событий прошлого, настоящего и будущего в единой мировой линии. В отличие от параметров пространства и времени, взятых по отдельности, хронотоп, как пространственно-временная целостность, порождает уникальность бытия сущего: «С точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события...» [1, с. 267].

Все сущее А. А. Ухтомский наделяет определенной судьбой, которая складывается из причиняющих сил пространства и времени и являет собой перетекание вещи (реализация временной координаты) из одной формы в другую (реализация пространственной координаты). Понятие судьбы в данном контексте сходно с понятием хронотопа, так как воплощает в себе единство всех ипостасей объекта от прошлого к настоящему и его путь, намеченный в будущее чередой состоявшихся событий. При этом понятие судьбы отсылает к важной для понимания хронотопа метафоре неизбежности, выраженной в невозможности вещи преодолеть причиняющие силы пространства и времени. Следует отметить, что, придерживаясь идеи единства пространства и времени, направляющей силой в хронотопе А. А. Ухтомский считает время, а именно прошлое: «Идея хронотопа в том, что событие не создается, не определяется сейчас пришедшими факторами, – последние приходят лишь затем, чтобы осуществить и выявить то, что накопилось и определилось в прошлом» [1, с. 267].

Несмотря на то что рассуждения А. А. Ухтомского обращены главным образом к физиологии человека, его работа позволяет сделать ряд обобщений, и рассматривать под «вещью» предельно широкий круг объектов и явлений материальной и нематериальной природы.

В блоке социально-гуманитарного знания термин «хронотоп» появляется благодаря работе философа и культуролога М. М. Бахтина [2] и разрабатывается им в контексте исследования пространственно-временной организации художественных

произведений. По Бахтину, хронотоп – это слияние разворачивающихся в произведении пространственно-временных отношений в самостоятельной смысловой целостности. Время и пространство в литературе перетекают друг в друга: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [2, с. 236].

В хронотопе как в неделимой целостности время становится художественно-зримым, а пространство обретает способность к движению. М. М. Бахтин отводит хронотопу принципиальное значение в литературе и полагает, что именно пространственно-временные отношения определяют жанровые различия и образ человека в произведении. В своей работе М. М. Бахтин анализирует различные жанры европейского романа с точки зрения развертывания пространственно-временных отношений. Организующую роль в хронотопе он (как и А. А. Ухтомский) отводит временной координате. Несмотря на то что М. М. Бахтин исследует пространство и время художественного произведения, его методологическая рамка представляет интерес для социолога, так как может выступать наглядной моделью работы хронотопа в контексте социальных явлений и процессов.

Три основных типа романного единства (хронотопа) – авантюрный роман-испытание, авантюрно-бытовой роман, биографический роман – сложились еще в Античности и стали основой для всевозможных вариаций в европейском романе [2].

Так, авантюрный роман-испытание характеризуется отсутствием естественной цикличности и исторической локализации времени. Повествование не позволяет ни определить конкретных следов эпохи, ни связать происходящее с биологическим возрастом героев, ни выстроить единую событийную линию, подчиненную логике каузальных связей. М. М. Бахтин пишет: «“Вдруг” и “как раз” – наиболее адекватные характеристики всего этого времени, ибо оно вообще начинается и вступает в свои права там, где нормальный и прагматически или причинно осмысленный ход событий прерывается и дает место для вторжения чистой случайности с ее специфической логикой» [2, с. 242]. Время здесь выстраивается не линейно, а посредством неких всплесков активности (авантюры), возникающих и затухающих по воле случая. Внутри данного типа романа время как бы не указ: герои не стареют, последовательность событий утрачена, а происходящее описывается с помощью пространственных метафор и разворачивается, как правило, на богатом географическом фоне. Как подчеркивает М. М. Бахтин, для реализации повествования авантюрного романа-испытания необходима лишь чистая пространственная экстенсивность [2].

Подлинная связь между героем и внешним миром здесь отсутствует: «Мир не способен изменить героя, он его только испытывает, и герой не воздействует на мир, не меняет его лица; выдерживая испытания, устраняя своих врагов и т. п., герой оставляет в мире все на своих местах, он не меняет социального лица мира, не перестраивает его да и не претендует на это» [3, с. 205]. Персонаж не обладает субъектностью (в декартовском смысле): оказываясь в водовороте событий, он лишь отвечает на всевозможные вызовы судьбы.

Интерес для социологов представляет не столько специфика пространственно-временной организации романа, сколько акцент на уникальности мира, воссозданного по законам хронотопа авантюрного романа-испытания. Перекладывая принцип взаимодействия пространства и времени на устройство социальной реальности в данном типе романного единства, мы можем обнаружить сходный хронотоп в период расселения человеческих племен по земле. В условиях экстенсивного хозяйствования абсолютизируется значение пространства и практически не играет роли временной фактор. Жизненный уклад вращается вокруг освоения новых территорий, борьбы с неблагоприятными климатическими условиями, преодолением элементарных пространственных барьеров (гор, рек) в поиске более щедрых земель. Человек здесь сливается с пространством, он в прямом смысле гоним ветрами и направляем солнцем.

Второй тип романа – авантюрно-бытовой – демонстрирует слияние авантюрного и бытового времени в новом хронотопе. М. М. Бахтин подчеркивает, что речь идет не о механическом соединении двух времен, а об уникальной конфигурации временных примет, порождающих совершенно новый хронотоп и, соответственно, мирообраз в романе.

Если испытания в романе первого типа олицетворяют в первую очередь сконцентрированную событийность, то повествование авантюрно-бытового романа строится на идее метаморфозы героев и всего человеческого мира, что предполагает наличие временных рядов. М. М. Бахтин обращает внимание на то, что идея метаморфозы воплощает в себе последовательность самых разных типов: смену веков и поколений, перерождение природы, метаморфозы земледельца и самого зерна в цикле земледельческого быта [2]. Для всех этих временных рядов характерна смена или чередование различных ипостасей одного и того же объекта или явления.

Метаморфоза, как направляющая сюжетной линии авантюрно-бытового романа, создает картину человеческой жизни в ее основных переломных моментах: «Здесь нет становления в точном смысле, но есть кризис и перерождение» [2, с. 266]. В отличие от романа первого типа время здесь играет роль причиняющей силы и накладывает неизгладимый

отпечаток на всю жизнь героев. Вместе с тем время не перестает быть авантурным, оно наполнено исключительными и невероятными событиями, происходящими внезапно и вдруг, однако звенья в цепи событий связываются уже не по воле случая, а усилиями самих героев. Это указывает на существенную трансформацию позиции героев в контексте мирообраза произведения: из пассивного и претерпевающего человек становится действующим лицом в своей жизненной истории. Здесь нас интересует не столько специфика взаимоотношений героя с миром в романе, сколько установление каузальной связи между характером пространственно-временных конфигураций и образом человека.

Обращаясь к социальной реальности, мы видим, что вектор времени постепенно включается в игру, когда чистая пространственная экстенсивность больше не может обеспечить человека всем необходимым, а «ничейных» территорий практически не остается. Человек вынужден укорениться в пространстве, однако жизнь на конкретном месте необходимо выстраивать в соответствии с определенными ритмами и закономерностями. Переход от охоты и собирательства к земледелию служит ярким примером включения временной координаты в жизненный уклад социума: чтобы метаморфоза зерна осуществилась, человеку необходимо организовать свой быт в соответствии с сельскохозяйственными циклами.

Наконец, третий тип античного романа – биографический – воплощает в себе типичные моменты жизненного пути: «...рождение, детство, годы учения, брак, устройство жизненной судьбы, труды и дела, смерть и т. п.» [3, с. 206–207]. Если в авантюрно-бытовом романе жизненный путь предстает как череда исключительных происшествий, фиксирующих перерождение героя, то биографическое время, напротив, иллюстрирует обычное течение жизни. Время утрачивает авантюристичность и локализуется в пространстве, череда событий выстраивается в соответствии с биотемпоральными закономерностями и обретает свойство необратимости. Так, герои биографического романа не могут вмиг оказаться на противоположной части земного шара, вновь обрести молодость или жить, вовсе не старея, как это возможно, например, в авантюрном романе-испытании. М. М. Бахтин отмечает, что биографическое время в романе неизбежно встраивается в исторический процесс, который, однако, проявляет себя лишь в зачаточной форме и реализуется главным образом через соприкосновение поколений. Несмотря на то что биографический роман еще не имеет подлинной историчности, связь поколений во временном ряду позволяет добиться более реалистичного изображения действительности, в отличие от романов первых двух типов.

В соответствии с особенностями пространственно-временных примет в романе демонстрируются и система взаимосвязи человека с миром, и сам образ героя. Человек здесь осуществляет однонаправленное движение по жизненному пути, осваивает пространство и проживает события. По мнению М. М. Бахтина, мир в контексте биографического романа больше не играет роли фона, а становится существенной и неотъемлемой частью жизни действующего лица: «Соприкосновения и связи героя с миром организуются уже не как случайные и неожиданные встречи на большой дороге (и не как орудие испытания героя)» [3, с. 208]. Сам герой в биографическом романе наделяется устойчивыми характеристиками, которые задаются с начала повествования и сохраняются до конца. Человеческая жизнь становится отделима от череды событий, но вместе с тем она не способна игнорировать неотвратимость времени и не считается с пространственными фактами. События, пережитые героем, непременно накладывают отпечаток на его судьбу, но не приобретают значение переворотного опыта, как в авантюрно-бытовом романе. Типичность происходящего в биографическом романе свидетельствует о рутинизации отношений человека с миром. Так, например, прозрачность будущего и предсказуемость пространства наиболее отчетливо обнаруживают себя в современной системе координат.

Анализируя три основных типа романного единства, мы видим, как вместе с трансформацией пространственно-временной организации мира в произведении изменяется и образ героев.

В авантюрном романе-испытании, где пространство отвоевывает у времени главенствующую роль, герои оказываются практически неотделимыми от событийности, их действия направляются внешними силами и полностью подчинены воле случая.

В авантюрно-бытовом романе на первый план выходит идея метаморфозы – перерождения героев и всего сущего на жизненном пути, а время становится организующим началом повествования. В таком хронотопе движение героя приобретает направленный характер и протекает в упорядоченном временном ряду, прерогатива веления от случая переходит к человеку и воплощается в стремлении субъекта установить тождество между ипостасями собственного Я в начале и конце жизненного пути.

В биографическом романе события выстраиваются в упорядоченный ряд и составляют единый и необратимый жизненный путь, а пространственные факторы накладывают существенный отпечаток на судьбу героя. Человек обретает укорененность в мире, однако не растворяется в событийности, а наделяется устойчивыми чертами, которые остаются неизменными на протяжении его биографии. Отношения человека с пространственно-временной реальностью «опривычиваются», что представляет

собой попытку преодолеть непредсказуемость окружающей действительности и обрести онтологическую безопасность.

Согласно логике М. М. Бахтина любые явления и объекты в произведении хронотопичны: своеобразие пространственно-временных конфигураций может составлять хронотоп дороги, провинциального городка, гостиной-салона, встречи и т. д. [2, с. 277–279]. Так, помимо общего хронотопа произведения, существует множество хронотопичных образований, которые могут пересекаться, соединяться друг с другом. Такие образования, как правило, выступают точкой концентрации смыслов в произведении: на дороге происходят судьбоносные встречи, за разговорами в гостиной-салоне решается карьера и определяется репутация главных героев.

В контексте окружающей действительности пространственно-временное картирование также уместно, например, при дифференциации пространства на приватное (пространство дома или квартиры) и публичное (пространство города и всевозможных общественных мест), разделении времени на личное и рабочее. Приватное пространство и личное время воплощают собой так называемую домашнюю обстановку и как бы разрешают нам чувствовать себя непринужденно и расслабленно, тогда как рабочее время и место активируют в нас совершенно другие качества: собранность, сосредоточенность, внимательность. Таким образом, окружающая действительность оказывается насквозь хронотопична, как на макроуровне в контексте картины мира, так и на микроуровне в контексте запретов и разрешений, которые накладывают на нас определенные пространственно-временные образования. Закономерно, что, действуя согласно этой системе запретов и разрешений, хронотопичным оказывается и сам человек.

В социально-гуманитарном дискурсе категория «хронотоп» появляется только в середине 1970-х гг. (и остается преимущественно в поле зрения литературоведения). Качественная сторона пространственно-временных отношений интересовала социальных теоретиков задолго до появления самой категории. Так, например, о хронотопе, не указывая на понятие прямо, говорят представители цивилизационного подхода к общественной динамике, рассматривая образ мира в его пространственно-временной обусловленности.

Наиболее показательна в этом отношении культурно-историческая концепция Шпенглера, согласно которой каждая культура обладает комплексом уникальных характеристик и неизбежно проходит цикл от зарождения и расцвета к упадку и гибели. В его теории пространство и время выступают двумя мощнейшими векторами, формирующими неповторимый образ мира и душу народа.

Так, западноевропейской культуре соответствует фаустовская душа, символизирующая чистое, беспредельное пространство и время, воплощенные в архитектуре готического собора, живописных перспективах и звуках фуги, «растворяющих отдельное мгновение в бесконечности» [4]. Для носителя фаустовской души характерны обостренное чувство судьбы и вписанность единичной жизни в мировую линию истории, а пространство мыслится как абстракция, находящаяся за пределами чувственного опыта. Западноевропейский дух стремится всячески высвободиться от материи, преодолевая ее посредством религиозной идеи вездесущего Бога, музыкального искусства, рождающего из ниоткуда неведомые дали, самой немецкой философии, которая ярко воплотилась в идеализме И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля. Такая система пространственно-временных координат порождает особое бытие, «исполненное глубокого самосознания, созерцающее себя самое, культуру личности, получившую свое выражение в мемуарах, размышлениях, исповедях» [4].

Аполлоновской душе античной культуры, напротив, чужда идея беспредельности и вечности, что находит воплощение в завершенности скульптурно оформленного тела и живописи, которая лишена перспективы. Пространство и время здесь непосредственно доступны для чувственного восприятия и не существуют в абстракции. Обозримость границ и ограниченность форм составляют единственно возможную суть пространства, а мгновение настоящего – суть времени.

Греческая архитектура демонстрирует беззаботные отношения человека с пространством и временем: в строительстве он постоянно «уклоняется от решения трудных тектонических проблем, в разрешении которых нильская и позже рейнская культура смутно ощущала свой долг» [4]. Более того, «будучи наследником высокоразвитого микенского искусства обращения с камнем и живя к тому же в скалистой стране со скудными лесами, [грек] вернулся к употреблению дерева» [4]. Все это свидетельствует о том, что стремление к вечности чуждо как греческой архитектуре, так и аполлоновской душе. В этой картине мира человеческое Я замыкается в наличной данности тела, ему претят рефлексия, идея внутреннего развития и, следовательно, всякая историчность. Бытие грека заключено в «теперь и здесь, все – на переднем плане жизни; в его образе мира отсутствуют дали рождения и смерти, прошлого и будущего» [4]. Аполлоновский человек в противоположность человеку Запада оказывается предельно «овнешнен»: ему нечего противопоставить могуществу высших сил, и он находит себя в сладостном претерпевании жизненного потока.

Арабо-византийскую культуру О. Шпенглер наделяет магической душой, которая выражает

постоянную борьбу земного и божественного начал. Черты этой культуры представлены в труде философа «Закат Европы» не столь отчетливо, однако мы постараемся обозначить наиболее яркие приметы магической картины мира для демонстрации вариативности пространственно-временных отношений¹.

Архитектура арабо-византийской культуры утверждает преодоление античного принципа естественной тяжести²: стройные колонны храмов Константинополя, мечетей Кордовы, иерусалимских соборов каким-то неведомым образом держат на себе всю величественную композицию из бесчисленных арок и сводов, позволяя куполу свободно парить над базиликой или восьмиугольником. Эффект ирреальности пространства усиливают выполненные при помощи позолоты мозаики и арабески, мерцание которых видоизменяет привычные глазу формы и переносит зрителя в сферу магического, внеземного существования.

Восприятие человеческого тела также переживает метаморфозу, которая заключается в перемещении внимания с физического облика на взгляд как нематериальное продолжение тела: «Благодаря пробуравленным зрачкам направленных вдаль глаз все выражение отвлекается от тела и вкладывается в тот “пневматический”, магический принцип, который принимается за господствующее начало в человеке» [4]. Если западный человек обращен внутрь себя, аполлоновский словно вывернут наизнанку, обращаясь сразу ко всему миру, то магический человек целиком обращен к единому Богу.

В размышлениях О. Шпенглера отчетливо прослеживается хронотопичность картины мира: приметы пространства и времени сливаются в осмысленном и конкретном целом, воплощаясь в архитектуре, живописи, литературных и музыкальных произведениях и целых мировоззренческих концепциях. Качественные особенности пространства и времени порождают принципиально различные картины мира и содержание человеческого бытия.

Следует отметить, что исследователи имеют различные взгляды на роль пространства и времени в организации картины мира. Так, М. М. Бахтин вслед за А. А. Ухтомским считает ведущим началом в хронотопе время. Однако в самих примерах романного единства, описанных М. М. Бахтиным, это не всегда находит подтверждение (в авантюрном романе-испытании пространственная экстенсивность вытесняет время). В классификации культурно-исторических типов О. Шпенглер в большей мере ориентируется на пространственные формы, осо-

бое внимание уделяя архитектурным ансамблям, само время он трактует в терминах пространства, усматривая, например, идею вечности в монументальности египетских пирамид. Современный исследователь В. Е. Кемеров делает упор в сторону методологической топохронии, в соответствии с которой «временные определения либо погружены в пространственные, либо дистанцированы от них» [5, с. 173]. Проблема топохронии во многом обусловлена очевидностью пространственных форм и отсутствием эмпирической реальности времени. На взгляд В. Е. Кемерова, нашу социальность следует осмысливать в терминах времени, так как жизненное пространство уже задано пределами земли и образ мира может видоизменяться именно под действием временных факторов: «Если история не закончилась, она будет протекать в формах использования времени, его наполнения, интенсификации, синтеза качественных форм человеческой деятельности и взаимодействий» [5, с. 183]. Тезис В. Е. Кемерова звучит убедительно, однако в полной мере применим лишь к тем социально-культурным образованиям, которые полностью исчерпали возможности экстенсивного освоения пространства. С нашей точки зрения, вопрос о ведущем начале пространства и времени в хронотопе не предусматривает универсального ответа, так как в каждую конкретную эпоху пространство и время обладают разными правами и причиняющей силой по отношению к формированию картины мира.

В рамках исследования пространственно-временных координат социума особого внимания заслуживают труды советского и российского историка А. Я. Гуревича, посвященные изучению средневековой картины мира в полемике с более поздними историческими периодами. А. Я. Гуревич настаивает на уникальности каждой эпохи в пространственно-временном отношении и указывает на ограниченность возможностей нашего познания в исследовании минувших дней теми базовыми представлениями о пространстве и времени, которые сформировали наше мышление [6].

Человек не рождается с чувством времени и пространства, его представления о темпоральности и наличной данности окружающего мира всегда опосредованы культурой [7]. Пространство и время существуют не только объективно, как неотъемлемые физические параметры бытия и социального взаимодействия, но и субъективно: они переживаются людьми и воспроизводятся ими в ходе социальных практик, «причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного

¹Кроме западноевропейской, античной и арабо-византийской культуры, О. Шпенглер затрагивает и ряд других, однако они не получают детального рассмотрения, в связи с чем мы ограничимся анализом пространственно-временной организации в трех наиболее объемных примерах.

²Согласно этому принципу в греческой архитектуре опора всегда была пропорциональна удерживаемой тяжести, что обуславливало относительно небольшие масштабы строений.

развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково» [6, с. 45].

Нынешние представления о времени и пространстве, как отмечает А. Я. Гуревич, вовсе имеют мало общего с той пространственно-временной реальностью, которая переживалась людьми других исторических эпох: «В так называемом примитивном, или мифологическом, сознании эти категории не существуют как чистые абстракции, поскольку само мышление людей на архаических стадиях развития было по преимуществу конкретным, предметно-чувственным» [6, с. 45].

Ученый описывает современность как эпоху господства времени над пространством, где главным фактором общественного развития выступает скорость: «Самое соперничество между социальными системами понимается теперь как соревнование во времени: кто выиграет в темпах развития, на кого работает время?» [6, с. 44]. В связи с появлением новых средств транспорта и коммуникации становится возможным вмиг преодолевать огромные расстояния, не считаясь с пространственной далью, в результате чего мир делается гораздо меньшим, а образ его – практически несопоставимым с той моделью, которая господствовала в период более низких скоростей.

Предпринимая попытку познать пространственно-временную реальность минувших эпох, мы всегда оказываемся заложниками своего хронотопа. Так, разум, воспитанный в модерной системе координат, мыслящий собственную жизнь как точку, которая движется от прошлого к будущему, едва ли может откинуть эту матрицу восприятия, заглядывая в мир древнего человека.

Невозможность до конца преодолеть свой хронотоп во многом объясняет и оценочный характер наших суждений относительно пространственно-временной реальности минувших дней. В этом контексте показательным является исследование первобытного мышления французским антропологом Л. Леви-Брюлем [8, с. 45]. Само слово «первобытный» в нашем языке служит не только для того, чтобы обозначить уклад жизни, который существовал задолго до нас, но и для того, чтобы отчетливо маркировать действующих лиц этого далекого времени как примитивных, отсталых и совершенно не развитых интеллектуально. Примечательно и то, что первобытными часто называют наших формальных современников (например, австралийских аборигенов), чей образ жизни как будто замер в далеком прошлом. Л. Леви-Брюль сразу же отвергает вывод о примитивности таких народностей как ложный, приводя в качестве аргументов их особую изобретательность в организации быта, уровень мастерства в создании произведений ис-

кусства, а также сложную структуру их собственных языков.

Согласно многочисленным антропологическим исследованиям мышление первобытных людей в самом деле не подчиняется привычным законам логики: «Там, где мы ищем вторичные причины, устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду» [8, с. 8]. В пространственно-временном отношении первобытное мышление без труда допускает совершенно невозможные вещи с точки зрения современной картины мира: пребывание одного существа сразу в нескольких местах, совершение убийства посредством истязания тени противника и полное игнорирование закона причинности.

Трудность, с которой мы сталкиваемся, когда пытаемся объяснить жизненный уклад обществ низшего типа или первобытных обществ, заключается, по мнению Л. Леви-Брюля, в принципиально иной структуре мышления современного человека. Антрополог предлагает отказаться от попыток оценить первобытное мышление с позиции формальной логики: «Оно не антилогично, оно также и не алогично. <...> Оно не стремится, прежде всего, подобно нашему мышлению, избегать противоречия» [8, с. 64].

Основную причину несостыковки первобытной и современной картин мира мы связываем с несовпадением базовых координат нашего бытия – пространства и времени. Эта мысль находит подтверждение в контексте проблемы модели мира, обозначенной А. Я. Гуревичем: «...это и проблема человеческой личности, отношения которой с миром и самосознание выражались в категориях “картины мира”, в том числе в категориях пространства и времени» [6, с. 49]. Так, например, для представителей развитых обществ характерны четкое выделение собственного Я из наличной данности универсума, дифференциация пространства на конкретные локусы, вписанность жизни и деятельности в упорядоченный временной ряд. Это отчетливо прослеживается в ситуации картирования мира на горный и дольный и в контексте эсхатологических идей [9]. Представители обществ низшего типа, напротив, не способны провести различие между собой и окружающей действительностью: в этих условиях пространство воплощает собой некую недифференцированную тотальность, а время как бы устраняется, абсолютизируя роль места. Такие отношения пространства и времени формируют мистический образ мира. Л. Леви-Брюль отмечает: «Для первобытного мышления существует только один мир. Всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистичным является и всякое восприятие» [8, с. 55].

Неспособность вырваться из ткани окружающей действительности формирует совершенно иную структуру мышления и картину мира, нежели в условиях субъект-объектных отношений с наличной данностью универсума. Можно было бы поспорить, действительно ли пространственно-временная реальность является первичной по отношению к характеру мышления, а не наоборот. Данный вопрос автор склонен рассматривать в соответствии с дюркгеймианской логикой. По Дюркгейму, пространство и время представляют собой в первую очередь базовые категории мышления, без которых когнитивные операции не могут быть в полной мере реализованы. Они задают предельную рамку мышления и «соответствуют наиболее универсальным свойствам вещей» [10, с. 185]. Эти категории рассматривались французским социологом как продукт коллективной жизни, а их содержание – как отражение самых разных аспектов существования в обществе: «Ритм социальной жизни лежит в основе категории времени; пространство, занимаемое обществом, предоставило материал для создания категории пространства» [10, с. 146].

Здесь следует сделать оговорку, что речь идет именно о коллективных представлениях: пространственно-временная реальность «на самом деле» оказывается недоступной для нашего восприятия, однако представления о ней застают нас готовыми уже при рождении. Так, социальный хронотоп аккумулирует коллективные представления о пространстве и времени, отражая уникальные характеристики окружающей действительности и позволяя участникам социальных процессов сформировать целостный образ мира.

В контексте социологического знания категория «хронотоп» не получила широкого распространения, однако вопросы пространственно-временной организации социума имманентно присутствуют

практически во всех теориях общества. Объединяя в себе предельные параметры бытия, социальный хронотоп, как категория, служит продуктивным инструментом анализа социума на уровне структуры и практик, так как позволяет учесть максимально широкий спектр характеристик и избежать различного рода детерминизма (экономического, религиозного и др.) в силу всеохватности категории. Наиболее перспективными направлениями использования категории «социальный хронотоп» представляются следующие: анализ цивилизационных различий, переосмысление общепринятых типологий динамики общественного развития, изучение трансформации человеческой субъектности в системе социальных координат и поиск наиболее продуктивных оснований для конструирования коллективной идентичности макросоциальных общностей. Социальный смысл хронотопа заключается не только в совпадении индивидов друг с другом в физическом пространственно-временном отношении, но и в совпадении смыслов при выстраивании картины мира и позиционировании себя в нем. Представления о пространстве и времени, укорененные в качестве когнитивно-перцептивной рамки нашего сознания, всегда оказываются эмоционально и ценностно нагружены. Именно эта нагруженность и составляет качество пространственно-временной реальности, воплощенной в уникальном хронотопе.

Кроме того, социальный хронотоп, как аккумулятор предельных оснований бытия, позволяет анализировать стремительно распространяющиеся мейнстримы социально-гуманитарного знания с точки зрения масштаба их объяснительного потенциала. Возможно ли с помощью определенной концептуальной модели вывести общий знаменатель для всего разнообразия симптомов современности или же ее применимость ограничивается локальной проблематикой?

Библиографические ссылки

1. Ухтомский АА. *Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях*. Санкт-Петербург: Петербургский писатель; 1996. 528 с.
2. Бахтин ММ. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. В: Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература; 1975. с. 234–407.
3. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство; 1986. 445 с.
4. Шпенглер О. *Закат Европы*. Франковский АА, переводчик. Alterozoom [Интернет]. 2019 [протитировано 10 мая 2021 г.]. Доступно по: <https://alterozoom.com/ru/documents/14844.html>.
5. Кемеров ВЕ. Социальный хронотоп и трансформации современного обществознания. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*. 2013;4:172–185.
6. Гуревич АЯ. *Избранные труды. Средневековый мир*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2007. 560 с.
7. Шавердо ТМ. Темпоральное измерение социальности в условиях цифровой трансформации (на примере сферы образования). *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2019;4:125–130.
8. Леви-Брюль Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. Москва: Педагогика-Пресс; 1994. 607 с.
9. Августин Аврелий. *О Граде Божием*. Минск: Харвест; 2000. 1296 с. Совместно с издательством «АСТ».
10. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии (заключение). *Социологическое обозрение*. 2018;2:122–154.

References

1. Ukhtomskii AA. *Intuitsiya sovesti. Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh* [Intuition of conscience. Letters. Notebooks. Notes in the margins]. Saint Petersburg: Peterburgskii pisatel'; 1996. 528 p. Russian.
2. Bakhtin MM. [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: Bakhtin MM. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975. p. 234–407. Russian.
3. Bakhtin MM. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo; 1986. 445 p. Russian.
4. Shpengler O. [Decline of the West]. Frankovskii AA, translator. Alterozoom [Internet]. 2019 [cited 2021 May 10]. Available from: <https://alterozoom.com/ru/documents/14844.html>. Russian.
5. Kemerov VE. Social chronotop and transformation of modern social knowledge. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences*. 2013;4:172–185. Russian.
6. Gurevich AY. *Izbrannye trudy. Srednevekovyi mir* [Selected works. Medieval world]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; 2007. 560 p. Russian.
7. Shaverdo TM. The temporal dimension of sociality in a digital transformation. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*. 2019; 4:125–130. Russian.
8. Levi-Bryul' L. *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Moscow: Pedagogy-Press; 1994. 607 p. Russian.
9. Avgustin Avrelii. *O Grade Bozhiem* [About the city of God]. Minsk: Harvest; 2000. 1296 p. Co-published by the «AST». Russian.
10. Dyurkgeim E. Elementary forms of religious life. The totemic system in Australia (conclusion). *Sociological Review*. 2018;2:122–154. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2021.
Received by editorial board 04.06.2021.